

Степная царица

Никто и никогда не видел слез гордой скифской царицы Арпаты. После того как ее отец, великий владыка Атей, погиб в бою, она заняла его трон, при этом обратив свое сердце в скалу. Непрístupность и красота Арпаты пленили македонского царя Александра, который отправился на скифов войной. Силы македонян намного превосходят силы степняков, и потому исход сражения очевиден. Но Александр, без памяти влюбившийся в Арпату, решил добиться ее во что бы то ни стало. Условия царя просты: он готов заключить со скифами мир, если Арпата проведет в шатре Александра десять дней и ночей, даря ему свою любовь. Македонский правитель возомнил, что сможет сломить Арпату? Что ж, тогда пусть меч его будет остер, а доспех крепок. Непрístupная скифянка отказывает царю и вызывает его на смертельный поединок...

Святослав Воеводин

СТЕПНАЯ
ЦАРИЦА

СТЕПНАЯ ЦАРИЦА

Святослав Воеводин

СТЕПНАЯ
ЦАРИЦА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8662-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

Ніхто й ніколи не бачив сліз гордої скіфської цариці Арпати. Після того як її батько, великий володар Атей, загинув у бою, вона посіла його трон, при цьому обернувши своє серце на скелю. Неприступність і краса Арпати полонили македонського царя Александра, який вирушив війною на скіфів. Сили македонян набагато перевершують сили степняків, і тому результат битви очевидний. Проте Александр, без тьми закоханий в Арпату, вирішив домогтися її хай би там що. Умови царя прості: він готовий укласти зі скіфами мир, якщо Арпата проведе в його шатрі десять днів і ночей, даруючи йому своє кохання. Македонський правитель уявив, що може зломити Арпату? Що ж, тоді хай меч його буде гострим, а обладунок міцним. Неприступна скіф'янка відмовляє царю й викликає його на смертельний поєдинок...

Воеводин С.

В63 Степная царица : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 288 с.

ISBN 978-617-12-8441-8

Никто и никогда не видел слез гордой скифской царицы Арпаты. После того как ее отец, великий владыка Атей, погиб в бою, она заняла его трон, при этом обратив свое сердце в скалу. Неприступность и красота Арпаты пленили македонского царя Александра, который отправился на скифов войной. Силы македонян намного превосходят силы степняков, и потому исход сражения очевиден. Но Александр, без памяти влюбившийся в Арпату, решил добиться ее во что бы то ни стало. Условия царя просты: он готов заключить со скифами мир, если Арпата проведет в его шатре

десять дней и ночей, даря ему свою любовь. Македонский правитель возмнил, что сможет сломить Арпату? Что ж, тогда пусть меч его будет остер, а доспех крепок. Неприступная скифянка отказывает царю и вызывает его на смертельный поединок...

УДК 821.161.1(477)

© Майдуков С. Г., 2021

© Depositphotos.com / muha04, byheaven, flotsom, EdwardDerule, anvar.yanbaev.mail.ru, Sofia_Zhuravets, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Глава I. Последняя воля Атея

Царь Атей старался сидеть в седле прямо, но то и дело задремывал, и тогда голова его падала на грудь, болтаясь на ходу, как неживая. В такие моменты члены свиты многозначительно переглядывались и показывали глазами на дряхлого вождя, которому пора было бы пересест с коня в кибитку и доживать там последние дни, покуда сыновья не удавят во сне или не отравят за пиршественным столом. Все сверстники девяностолетнего Атея давно отправились в заоблачные поля счастливой охоты, да и прочие редко доживали хотя бы до середины его преклонного возраста. Сам же он скрипел, кряхтел, корячился, но держался на этом свете, упрямо не желая смириться с законом жизни, предписывающим ему освободить дорогу молодым. Это было против правил, это раздражало и злило. Удивился бы вождь, узнай он, как много людей — близких и просто приближенных — желают ему смерти.

Эта была здоровая, природная ненависть сильных и молодых хищников, вынужденных подчиняться полуслепому и беззубому вожаку, стремительно утрачивающему остатки власти и силы. Они не набросились на него до сих пор лишь по одной причине: их удерживал страх. А вдруг Атей только прикидывается безобидным и немощным? Вдруг наблюдает за окружающими из-под прикрытых век, чтобы в случае чего отдать приказ схватить и казнить непокорных? А вдруг подмигивания и ухмылки соратников притворны и являются не чем иным, как приглашением в ловушку?

Вот и оставалось приближенным вождя сдерживаться и выжидать удобного момента, настороженно посматривая друг на друга и на Атея, дремлющего в седле. Вытертые шлемом волосы его свисали редкими седыми прядями, короткий меч висел слишком низко, чтобы стремительно выхватить его на скаку, кожаный наряд был покрыт пятнами, свидетельствующими о старческой неопрятности обладателя. На фоне своих воевод и охранников смотрелся он как общипанный филин, окруженный сильными степными воронами. Даже конь Атея, семенящий мелкой рысью, заметно уступал тем горячим рыжим жеребцам с коротко подстриженными хвостами и гривами, которые нетерпеливо гарцевали и грызли удила, готовые в любой момент

сорваться в галоп. Рука вождя больше не была способна подчинять своей воле могучего скакуна. Доспехи и украшения его потускнели, ибо слуги утратили рвение, а подслеповатый Атей не видел изъянов на небрежно начищенном золоте.

Он и сам понимал, что уже не такой, как прежде, но не мог признаться в этом даже самому себе. Дальний поход за Истр¹ совершенно вымотал его. Приходилось делать не столь долгие переходы, как в былые времена, не говоря уже о том, что в конце каждого дня войско останавливалось на ночлег, вместо того чтобы совершать стремительные броски, опережая вражеских лазутчиков. Однако поручить командование сыновьям или воеводам Атей не решался, опасаясь разгрома. Биться предстояло не с разрозненными племенами фракийцев, а с самим македонским царем Филиппом, продвигавшимся навстречу. От исхода сражения зависела судьба не только скифского народа, но и их бессменного повелителя. Он отчаянно не хотел подохнуть на колу или принять какую-либо иную мученическую смерть, а все шло к тому...

Возможно, не следовало задираться и дразнить могущественного Филиппа, но что сделано, то сделано. Стрела летит только вперед и не способна вернуться обратно.

Началось все со стычек на границах, которые повадились нарушать трибаллы — большое и весьма воинственное племя. Долгое время прямых столкновений удавалось избежать благодаря хитрости Атея, который рядом со своими войсками гнал толпы женщин и скота, чтобы отпугивать врага огромными облаками пыли, разносимыми ветром. Однако в конце концов трибаллы проведали, в чем тут дело, и бросили скифам прямой вызов, отхватив у них изрядный кусок владений. Терять половину своего немногочисленного войска Атею не хотелось, и он призвал на подмогу македонян, посулив Филиппу скифское царство после своей смерти. Разумеется, это тоже было военной хитростью, и, когда македоняне отогнали захватчиков, Атей стал тянуть время, откладывая скрепление договора царскими печатями. Он понимал, что жить ему осталось недолго, и собирался все оставшееся время водить союзника за нос и кормить его пустыми обещаниями.

Филипп тоже был не прост, хотя по возрасту годился Атею во внуки. Земли скифов были нужны ему позарез, чтобы продвинуться как можно дальше на северо-запад и установить свое господство на

Балканах. Когда послы, отправленные к Атею, вернулись ни с чем, он притворился, что ничего особенного не произошло, и отправил новое послание, в котором, не помня зла, испрашивал позволения подойти с войском к Истру, для того чтобы установить там статую Геракла согласно обету. Разгадав коварство македонянина, Атей заявил, что статую пусть привезут к границе, а поставит он ее сам. Если же Филипп попытается осуществить задуманное, то его воины пойдут на удобрение пастбищ, а статуя будет переплавлена на наконечники стрел.

Угроза не остановила Филиппа. С начала конфликта минуло достаточно времени, чтобы разведчики успели пробраться в Скифию и выяснить, что силы Атея вовсе не так велики, как принято считать, и на каждые десять тысяч воинов, которыми бахвалится царь, приходится всего одна настоящая тысяча. Филипп, ничего не ответив на угрозу, выступил в поход. Никакой статуи Геракла с собой он не прихватил, зато вел огромную армию, которой предстояло совершить то, что не удалось добиться вежливыми речами.

Было ясно, что наступил решающий момент. Или Атей остановит захватчиков, или будет вынужден бежать и скитаться в глуши и пустынях, что в его возрасте смерти подобно.

Что-то нехорошее привиделось царю, сердце которого было исполнено тревоги. Вскинувшись в седле, он поднял голову и заморгал, пытаясь разглядеть окружающий мир, расплывающийся перед глазами. Всадники вокруг тоже подобрались, изобразив на физиономиях должного рода преданность и почтительность. Надо сказать, что это было вовсе не притворство, вернее, не столько притворство, сколько естественное побуждение. Несмотря на черные мысли, все чаще посещающие царских соратников, они еще помнили Атея в расцвете сил и грозной славы. Он одержал множество побед и не проиграл по-настоящему ни одного сражения. Его конница пробивала любой строй или же, рассеиваясь по полям, окружала врага и брала измором, пуская стрелы, поджигая траву и преграждая путь к водопою. И теперь он намеревался одержать еще одну победу, возможно, самую решающую в своей жизни. Последнюю победу.

Вполне проснувшись, Атей поманил пальцем сыновей и показал жестом, чтобы они ехали рядом. В то же время он окинул приближенных таким красноречивым взглядом, что вокруг них тут же

образовалось пустое пространство, достаточное для того, чтобы поговорить, не повышая голоса и не будучи услышанными окружающими.

Гелен, насторожившись, подъехал с заинтересованным видом. Младший Картис рассеянно улыбался и грыз стебель луговой травы, как если бы ехал не на войну, а отбивать женщин у безвредных землепашцев.

— Это мой последний бой, — произнес Атей негромко, придерживая поводья и напрягая спину, чтобы не болтаться в седле бесформенным мешком. — В последний раз моя рука извлечет меч из ножен.

— Нет, отец, — поспешил заверить его Картис. — Ты по-прежнему силен и проворен, как лев.

— Сто врагов одолеешь еще, — поддержал его старший брат.

Атей их реплики пропустил мимо ушей: он прожил на этом свете достаточно долго, чтобы знать цену льстивым речам.

— Хочу поведать вам кое о чем перед боем, — сказал Атей, не поворачивая головы ни к одному, ни к другому, а глядя прямо перед собой, так чтобы видеть мир между стоячих ушей своего коня, как он привык делать это на протяжении всей своей жизни. — Мой отец был убит в спину в сражении с фракийцами. Сразил его не враг, а собственный сын, которому не терпелось унаследовать власть.

— Какой это был из твоих братьев, отец? — любопытствовал Гелен.

Ответ был настолько неожиданным для обоих сыновей Атея, что они онемели и обменялись недоумевающими взглядами.

— Это был я, — сказал царь.

— Э-э... — протянул Гелен, не зная, что ответить на слова отца.

— Но... — начал было Картис и умолк.

— Я не утверждаю, что один из вас или вы двое собираетесь совершить нечто подобное, — снова заговорил Атей, насладившись растерянностью сыновей. — Но на всякий случай предупреждаю вас. Если вдруг я паду в сегодняшнем бою, то ни один из вас не получит мою печать, священный меч и царский шлем. Все это я передал перед отъездом вашей сестре Арпате. Вы унаследуете символы власти лишь в случае моего благополучного возвращения домой. В противном случае царицей станет она.

— Это против правил! — горячо воскликнул Гелен.

— Женщина не может править нашим народом! — поддержал его Картис.

Первый при этом смертельно побледнел, тогда как второй покраснелся и его лицо пошло пятнами.

— Кто сказал? — спросил Атей с холодным презрением. — Законы устанавливаю я, наместник Папая на земле. Такова наша воля, божья и царская. И любой, кто посмеет оспорить наше решение, умрет смертью изменника.

Братья молчали, кусая губы. Изменников в их краях закапывали в землю вниз головой, так чтобы босые ноги торчали наружу и каждый мог стегать их плетью или прижигать горящими угольями.

— Это хорошо, что вы молчите, сыновья мои, — сказал Атей. — Значит, обдумываете мои слова или уже приняли их к сведению. Отныне вы не можете не понимать, в чем состоит ваша выгода. Мы должны воротиться домой вместе, целые и невредимые. Тогда священные предметы вновь перейдут в мои руки, чтобы быть переданными одному из вас. После моей смерти, как вы понимаете. Но не той внезапной смерти, которая, случается, настигает царей, когда рядом отираются слишком нетерпеливые наследники. Вот причина, по которой сегодня вы будете биться плечом к плечу со своим отцом и радеть за то, чтобы никто не нанес ему предательского удара в спину.

Первым, кто нарушил молчание, был Картис.

— Арпата слишком молода и ничего не смыслит в правлении, — процедил он.

— Вот поэтому и позаботьтесь о том, чтобы корону надела не она, — спокойно ответил ему Атей.

Обезопасив себя, он даже не подумал о том, на какую судьбу обрекает свою позднюю любимую дочь, если сыновья все же воротятся в стойбище без него. Собственная жизнь волновала его куда сильнее.

¹ Древнее название Дуная. (Здесь и далее примеч. ред.)

Глава II. Решающая битва

Войско Филиппа оказалось в крайне неудобной позиции, ибо он оставил несколько тысяч пехотинцев на открытой местности, так что они были ничем не защищены от налета конницы. А именно в ней состояла сила скифов. Приученные ездить верхом с детских лет, они чувствовали себя в седле увереннее, чем иные люди, стоящие на собственных ногах. Любой воин умел скакать и стрелять задом наперед, выпрямляясь на спине лошади во весь рост, спрыгивая на ходу и делая пробежки рядом с конем, когда нужно было укрыться от вражеских стрел.

— Они попались! — возбужденно произнес Картис, глядя на македонян с пологого холма, словно нарочно выросшего здесь, чтобы дать скифам разогнать коней как следует.

Вражеская армия казалась издали лоскутным одеялом, расстеленным на зеленой траве. Было начало осени, и воздух радовал своей невероятной прозрачностью. Даже старческие глаза Атея могли разглядеть мельчайшие детали снаряжения македонян.

— Посмотрите на этих неразумных! — воскликнул он, вытянув вперед дрожащий указательный палец. — Стоило тащить в дальний поход такие огромные щиты, которые делают воинов неповоротливыми и уязвимыми!

— Когда мы гостили у Филиппа, — припомнил Гелен, — я попробовал поднять такой щит и удивился. Слишком большой и тяжелый, чтобы перемещаться с ним свободно. Неужели эти бараны думают, что смогут заслониться своими щитами от наших коней?

— У них просто нет походных щитов, легких и удобных, как наши, — предположил Картис. — Вот и взяли те, что были.

— И сейчас поплатятся за это, — усмехнулся Атей. — Македонянин еще не понял, с кем связался. Ничего, сейчас поймет.

Атей поднял руку в засаленном кожаном рукаве, сползшем до локтя.

— Ты не собираешься вести переговоры, вождь? — удивился Милон, командовавший одной из пяти тысяч всадников.

— Нет, — отрезал Гелен. — Отцу не о чем говорить с подлым захватчиком. Филипп самовольно пришел на нашу землю, несмотря на наш запрет.

Продолжая держать руку на уровне плеча, Атей, все еще готовый подать сигнал, саркастически усмехнулся:

— Кто-нибудь видит статую Геракла, которую македоняне привезли с собой? Нет. Это был лишь предлог. Они пришли с войной.

Некоторое время царь и его свита молча рассматривали армию, с которой скифам предстояло сразиться. Даже при том, что Филипп, вне всякого сомнения, разместил конницу и лучников где-нибудь на соседних холмах, задача не представлялась сложной. Оставленная в чистом поле пехота с непомерно большими щитами не внушала опасений.

Царская рука упала, делая отмашку.

В ожидании этого момента скифы накручивали своим коням уши и всячески горячили их иными способами. Теперь же, как только знак был дан, все они одновременно издали ужасающий воинственный клич и ударили пятками по крутым лошадиным бокам. Конница, набирая скорость, сорвалась с места и покатила через долину.

Вражеская пехота поспешно поднялась и сбилась воедино, загородившись щитами. Никогда за всю свою долгую жизнь Атей не видел столь плотного строя пеших воинов. Не доводилось ему видеть и таких длинных копий, как те, которыми оцетинились македонские пехотинцы.

Конница ударила об эти копья и щиты со всего размаху, производя ужасный шум, в котором смешались грохот ударов, лошадиное ржание и мужские проклятия.

— Они не достают, они не достают! — вскричал Гелен, не сумевший сдержать чувств при виде происходящего.

Напрасно скифы пытались пробить глухую оборону македонян своими короткими копьями, мечами и стрелами. Очень скоро вокруг гигантского прямоугольника щитов образовались целые валы из мертвых и раненых тел. Конница скифов начала рассеиваться по полю, растеряв решимость и злость, без которых невозможна полноценная атака.

— За мной! — заорал Атей, перекосив рот. — Они раздвигают щиты!

Тысяча Милона, остававшаяся на взгорке с царем, помчалась за ним. Сыновья царя и его ближайшие соратники подзадоривали коней, чтобы вырваться вперед и не дать повода усомниться в их отваге. Но

впереди всех все же скакал Атей. И откуда только силы и бодрость духа взялись в его немощем теле? Он никому бы не признался в этом, но на врага его гнал страх, а не воинский запал. Царь прекрасно понимал, что нарушил договор и является преступником, с которого Филипп имеет право спросить и непременно спросит, получи он такую возможность. Атей не собирался попадать в плен. Слишком памятна была ему судьба других скифских царей, которых возили по миру в клетках, а потом предавали мучительной и унижительной казни.

Атей был готов сложить голову в бою, лишь бы не быть схваченным. Бегать по степям и прятаться не имело смысла, поскольку беглеца все равно выследили бы и прикончили свои же. Волк, растерявший зубы, никому не нужен. Соплеменники поспешат припомнить ему былые обиды, а прочие постараются избавиться от чужака. Нет! Победа или смерть!

Решимость царя передалась и его войску. Увидев, как Атей несется на врага во главе конной тысячи, прочие тоже поворотили коней и, подбадривая себя исступленными воплями, ринулись назад.

Меж тем, пока суть да дело, македоняне изменили тактику и перестроились. Они не стали держаться монолитной кучей, а разделились на три фаланги, которые разошлись в стороны, оставив между собой довольно обширные пространства примятой травы. Выбрав крайний отряд, не загражденный кучами трупов, Атей поскакал туда.

Вместо того чтобы лететь прямо на выставленные копья, он повел своих всадников по кругу. Вооружившись луками, те поражали стрелами каждую голову, руку и ногу, неосторожно высунувшуюся из-за ограды щитов. То же самое проделывали и остальные тысячи, окружившие другие отряды. Расчет строился на том, чтобы вывести из строя как можно больше врагов и тем самым проредить лес выставленных копий.

Увлеченные скачкой и стрельбой, скифы не заметили, как на ближние холмы высыпали македонские лучники, натянувшие тетивы. Одновременно с ними в движение пришла вражеская конница, появившаяся вовсе не там, где ее ждали, а с той стороны, откуда пришли скифы. Но самым страшным было то, что, подчиняясь крикам полководцев, фаланги мерно двинулись навстречу друг другу, зажимая в железные тиски тех, кто имел несчастье оказаться между ними.

Это походило на гигантские жернова, перемалывающие людей и их лошадей. Движение македонян было неспешным, но неумолимым. Семиметровые копья пронзали скифов, уже не понимавших, откуда их настигает смерть. Сверху сыпались стрелы, с севера неслась вражеская конница, а здесь, на поле боя, стены щитов и частокол копий сминали, протыкали и сокрушали все живое. Биться приходилось не с отдельными воинами, а с монолитными фалангами, уязвимыми разве что с флангов. Да и кто теперь был способен разобрать, где фланги, где тыл, а где фронт!

Взлетали на дыбы кони и падали, хороня под собой всадников. Самые отчаянные поднимались на седла, чтобы прыгнуть в гущу врагов сверху, но смельчаков было слишком мало, и подвиги их оказывались никому не нужными, а сами они гибли напрасно. Впрочем, такова смерть каждого, принимающего участие в сражении. Сходятся две слепые силы и разят друг друга, пока одной не удастся взять верх.

Победа македонян была не просто полной — она была сокрушительной. Тех из скифов, кто не выдерживал и обращался в бегство, рубили всадники или доставали лучники. Тех, кто сбивался в кучи, чтобы противостоять напору фаланг, зажимали со всех сторон и протыкали копьями.

Лишь немногим удавалось вырваться из чудовищной мясорубки. В числе таких счастливых были оба сына Атея, догадавшиеся подхватить при отступлении громадные македонские щиты, оброненные убитыми. Это не только предохраняло их от неиссякаемого дождя стрел, но и вводило в заблуждение македонян, принимавших братьев за своих.

Выбравшись наконец из свалки, они поймали пару коней, носившихся по полю, и махнули за ближайшую рощу. Погоню за ними не послали, не распознав в этих двоих людей знатного рода. Таким образом, сыновьям Атея удалось вырваться из смертельной западни, и, удирая, они лишь изредка оглядывались назад, потому что там ничего хорошего не осталось и не ожидало.

Пока уцелевшие скифы покидали поле битвы группами и поодиночке, царь Атей с небольшой горсткой приверженцев отбивался от нападавших со всех сторон врагов. Поскольку эти воины бились за свою жизнь, их силы удесятерились и каждый проявлял себя

настоящим героем. Лишь немногие падали живыми на землю, надеясь уцелеть, когда копейщики станут обходить округу, добывая раненых. Большинство скифов, осознав безвыходность своего положения, проявляли чудеса доблести. Иные рубились двумя мечами, другие сумели вооружиться длинными македонскими копьями и пытались образовать круг, в центре которого находился Атей. Но царь видел, как редуют ряды защитников и какие несметные полчища собрались вокруг. И, отталкивая тех нескольких телохранителей, которые остались подле него, он, размахивая мечом, бросался в самые опасные участки боя.

Старость отступила. Был Атей могуч, точен и неутомим, как в те времена, когда собственной рукой рубил головы с одного удара.

— С нами Арес! — кричал он, подбадривая свое жалкое войско. — Умрем с честью! Боги уже наполнили кубки, чтобы принять нас на небесах.

Сегодня, когда смерть стала неизбежной, так хотелось верить в это!

Если одна рука старого царя слабела, он брал меч в другую и продолжал битву. Трудно было держаться на ногах, которые скользили в кровавых лужах и кучах расплзающихся внутренностей. Горы трупов мешали обороняющимся и нападающим, а потом они и сами падали сверху, увеличивая завалы. Кони, будучи не в состоянии передвигаться в этом месиве, ломали ноги и сбрасывали всадников. Лязг стали и хруст плоти слились в один устрашающий звук, как будто невидимое чудище пожирало сражающихся, азартно чавкая при этом.

Когда Атей осознал, что враги намеренно щадят его, чтобы пленить, он решил сделать самую трудную работу самостоятельно. Последние два десятка скифов еще толпились вокруг, предоставляя своему царю свободу действий, и он этой свободой воспользовался, благо меч скифский был короток и позволял приставить острие к сердцу.

Атей упер рукоять меча в землю и упал сверху грудью, больше не думая ни о богах, ни о подданных. Все кончилось: власть, желания, страсти, страхи. Жизнь кончилась.

Глава III. Дурные вести

Греки не успели дать название этому поселению, а скифы звали его своим домом — местом, где они проживали в настоящее время, прежде чем отправиться дальше, выше или ниже по течению, а может, податься куда-нибудь на заливные луга или кочевать по холмистым равнинам, пока не придет нужда поворачивать обратно. Как ни крути, а Истр, сегодня известный нам как Дунай, был наиболее благоприятной средой обитания не только для кочующих, но и для оседлых племен. Вдоль реки паслись тучные стада, воды ее были полны рыбы, русло служило проторенной дорогой в оба конца.

Скифы не снисходили до того, чтобы самим строить лодки, и довольствовались плотами и утлыми челноками из шкур, однако другие племена всюду совершенствовали плавучие средства, чтобы иметь возможность торговать и совершать внезапные набеги.

Когда чужие лодки проплывали мимо, скифы, угрожая луками, заставляли чужеземцев платить дань, но не разоряли их, потому что лучше десятикратно взять понемногу, чем сорвать куш за раз и тем самым отпугнуть остальных. Бралась дань и с фракийцев, но не слишком большая, потому что без них не было бы в Скифии бесценных греческих товаров, таких как ткани, вина, масла, краски, сушеные фрукты, украшения и многое-многое другое, без чего, конечно, прожить можно, но не так весело, сытно и красиво.

Всякий такой привоз становился в стойбище настоящим событием, и, когда дозорные принесли весть, что по течению поднимаются тяжело груженные лодки, Арпата принялась спешно собираться на берег.

Ночь она, как обычно, провела одна, потому что муж ее погиб много лет назад, успев только влить в Арпату семя для рождения их единственного сына. Она не давала обет хранить супругу верность и часто ловила себя на стыдных мыслях, но до сих пор ни разу не позволила себе потешить плоть с другими мужчинами. Причин было две. Во-первых, чувствовать и вести себя вольно мешал сын, который всегда был рядом и с возрастом все пристальнее следил за матерью; он даже имел наглость угрожать тем, кто ее домогался. Но вторая причина была важнее. Будь дело только в Танасисе, Арпата всегда

нашла бы способ обмануть его бдительность. Не позволяло сделать это осознание своей принадлежности к царскому роду. Она не могла подвести отца и братьев, не могла опозорить их, дав окружающим право насмеяться за их спинами.

Перед отъездом отец несказанно удивил ее, заявив, что передает власть ей, а не ее старшим братьям.

— Но почему? — воскликнула она недоуменно. — Почему ты оставляешь вместо себя меня, женщину?

— Гелен и Картис тоже могут пасть в бою, — ответил на это Атей. — Мы не можем выпустить власть из своих рук. Подрастет Танасис, станет законным царем. Сколько ему до шестнадцатилетия осталось? Три года? Промелькнут, не заметишь.

— Не бери в поход Гелена или Картиса, — предложила она. — Оставь править народом, как принято. Передай одному из сыновей шлем и меч.

Отец покачал головой:

— Ты плохо знаешь людей, дочь моя. Хочешь, чтобы, воротившись, я услышал, что мой сын не намерен возвращать мне трон?

— Как ты можешь так думать о своих сыновьях?

— Я сам когда-то был царским сыном, — последовал бесстрастный ответ. — И знаю, какие мысли будоражат такие головы.

— Почему же тогда ты доверяешь мне? — осведомилась Арпата.

— Потому что у меня нет иного выбора, — сказал Атей и был таков.

Вот уже второй месяц она ждала его возвращения. Обязанности наместницы были пока что не слишком обременительны, однако ночи уже дышали прохладой, и близилась зима, когда жизнь становится значительно труднее, забот прибавляется у всех.

Покинув свой шатер, Арпата в сопровождении двух охранников отправилась на берег, чтобы встретить караван купцов. Люди здоровались и расступались перед ней, но не очень почтительно и даже неохотно, давая тем самым понять, что они признают власть женщины лишь по необходимости, да и то временно.

Как бы ни задирала нос Арпата, как бы ни старалась распрямлять спину, а все равно было ей неудобно от множества испытующих и неприязненных взглядов, обращенных на нее. Она была хороша собой и еще довольно молода — в ту пору ей не сравнялось и тридцати лет, — поэтому мужчины смотрели на нее особенно пристально, и это

беспокоило ее как в хорошем, так и в плохом смысле. Но своим видом Арпата не выказывала волнения и сохраняла на лице маску спокойного достоинства.

Поздняя дочь Атея, она привыкла к тому, что всегда была любимицей не только своего отца, но и всего племени. Стоило ей стать правительницей, как отношение к ней изменилось. Порой Арпате чудилось, что она слышит злобные перешептывания за спиной, но, оборачиваясь, всегда видела поджатые губы и непроницаемые взгляды. Груз ответственности тяготил ее. Каждое утро она просыпалась с мыслью, что станет делать, если вдруг отец проиграет битву и македоняне двинутся на ее родину. Выросшая среди воинственных скифов, она, конечно, имела представление о том, как ведутся войны, и сама неплохо владела всеми видами оружия, но достаточно ли этого для того, чтобы дать достойный отпор врагу?

Отбросив невеселые думы, Арпата спустилась на пристань, чтобы первой встретить лодки. Обычно их было значительно больше и они сидели глубоко в воде, а эти скользили вверх по течению легко, словно почти ничего не весили.

— Царица, — негромко молвил Иглис, — лучше бы тебе подняться на кручу.

Это был глава многочисленного и уважаемого рода, который был оставлен Атеем для поддержки дочери. Он также командовал теми полутора тысячами воинов, которые остались охранять селение на время похода. Царь всегда прислушивался к мнению Иглиса, и во время застолий тот обычно сидел по его правую руку. Возможно, это объяснялось тем, что воевода был тоже стар и находился подле Атея на протяжении многих лет.

— Что не так? — быстро спросила Арпата.

— Не финикийцы к нам пожаловали, — ответил вождь. — Это македоняне, и здесь их не меньше сотни. Я уже послал за своими людьми, но следует побережться.

Люди, собравшиеся на берегу в праздничных одеяниях, тоже почувствовали неладное и гомонили, обмениваясь мнениями и предположениями. Сердце Арпаты сжалось, как будто стиснутое боевой рукавицей.

— Они нападут? — спросила она.

— Нет, — ответил Иглис, щуря на солнце подслеповатые глаза. — Слишком мало их. Но за ними могут последовать другие. Уходи.

— Нет, — отрезала Арпата. — Не пристало дочери царя бегать от опасности.

— Правильно, мама, — поддержал ее Танасис. — Один наш воин стоит двадцати вражеских. Пусть они остерегаются.

Он только что прибежал откуда-то, запыхавшийся и мокрый. Арпата в очередной раз отметила его сходство с покойным отцом. Волосы только-только начали проступать на румяных щеках сына, но уже было ясно, что борода у него будет золотистая и курчавая. Он уже прошел обряд отроков и получил право носить меч, за рукоять которого сейчас держался. Арпата хотела пригладить его взъерошенные волосы, но Танасис не дался, резко отклонившись.

Обе лодки одна за другой ударились носами в прибрежный песок. Подоспевшие воины Иглиса дружно натянули тетивы со вложенными в них стрелами.

На берег спрыгнул македонянин без доспехов, но в дорогом шлеме и пурпурном плаще, ниспадающем до земли. Его сопровождали пятеро телохранителей и невзрачный человек, заговоривший на родном наречии скифов.

— Предатель! — презрительно воскликнул Танасис. — Эй, предатель! Из какого ты рода? Назовись, чтобы мы могли плюнуть в глаза твоим сородичам!

Толмач испуганно сжался, но македонянин в сияющем шлеме ободряюще хлопнул его по плечу. В наступившей тишине звонко и отчетливо толмач спросил, кто правит народом, после чего, избегая смотреть Арпате в глаза, объявил о полном разгроме скифского войска и смерти царя Атея.

— Где ваши доказательства? — выкрикнула Арпата, сердце которой по-прежнему трудно и мучительно билось в тисках грудной клетки. — То, что волки воют на луну, еще не означает, что для нее это важно.

Повинуясь жесту македонского предводителя, пришельцы перекинули через борт и положили на песок сверток из звериных шкур, перетянутых ремешками.

— Посмотри ты, Иглис, — попросила Арпата, едва шевеля похолодевшими губами. — Я не могу.

Старый вождь с охранниками приблизился к свертку и достал нож, чтобы перерезать ремни. Когда это было сделано, он невольно отшатнулся от густого запаха, шибанувшего в нос, но заставил себя наклониться и присмотреться повнимательнее. После этого он повернулся к Арпате и утвердительно наклонил голову.

У нее настолько ослабели колени, что ей пришлось опереться на плечо сына. На этот раз Танасис не возражал, а только пошире расставил ноги.

— Их надо убить, мама, — процедил он. — Всех до одного. Как они убили деда.

— Нет, — сказала она. — Это послы.

— И что? — спросил Танасис.

— Против тех, кто не соблюдает законы, объединяются все племена, и таким нет места на земле, — медленно произнес Иглис, отошедший от почерневшего трупа. — Терпи, юноша. В этом наша честь и долг.

Тем временем македонянин в блестящем шлеме что-то говорил толмачу, а тот бегло переводил, иногда сбиваясь на бормотание. Арпата плохо его слышала и урывками воспринимала речь, обращенную к ней. Ее внимание было приковано к телу, тронутому разложением. Того, кто еще недавно был ее отцом, не стало. И та самая ответственность, которая так тяготила Арпату, легла на ее плечи в полной мере. До сегодняшнего дня все было будто понарошку, как в детстве. Теперь мир изменился. И в этом новом грозном мире к ней явились победители, чтобы получить причитающуюся им добычу. Через своих послов Филипп передал, что требует от наследницы Атея двадцать тысяч голов скота, двадцать тысяч лошадей и столько же детей и женщин, будь то рабы или же чистокровные скифы.

— Гони их в три шеи, мама! — прошипел Танасис.

Арпата отпустила его плечо, встала очень прямо и отчеканила:

— Не бывать этому. Ваш царь требует непомерную плату, так ему и передайте.

Она посмотрела на труп отца, над которым роилась туча мух, и спросила себя: «А не казнить ли македонян, как предлагает сын?» Но те по-прежнему оставались в лодках и могли отчалить в любой момент, загородившись щитами от стрел. И если хоть одному удастся сбежать, то ужасный позор и всеобщее презрение падут на племя.

— Это не плата за поражение, царица, — перевел толмач слова посланника Филиппа. — Это выкуп. Сыновья Атея у нас. Насколько я понимаю, ты приходишься им сестрой. Хочешь получить их обратно, Арпата?

По знаку человека в блестящем шлеме со дна лодки поднялись истерзанные Гелен и Картис, раздетые догола и даже не имеющие возможности прикрыть срам, поскольку руки их были связаны за спиной. Они ни о чем не просили, не делали умоляющих глаз. Просто стояли, смотрели на Арпату и ждали ее решения.

— Да, — сказала она. — Я заплачу Филиппу назначенную цену.

Глава IV. Мертвые и живые

Жрецы всю ночь колдовали над поруганным телом Атея, и наутро он уже выглядел пристойно и даже отчасти величественно, а зловоние почти не ощущалось из-за обилия ароматных трав, которыми не только обложили, но и набили вскрытый живот. Отстраненным и безмолвным предстал вождь перед своими детьми и племенем. Рыдали наложницы, а жены в последний путь Атея не провожали — он их всех пережил. Даже молодая жена, родившая ему Арпату, ушла из жизни много лет назад, не говоря уже о матери Гелена и Картиса. Чтобы вождю не было слишком одиноко в загробных странствиях, Арпата велела похоронить вместе с ним не трех, а трижды по три наложницы, то-то они и надрывались теперь: не только с царем прощались, но и с жизнью тоже.

— Трех было бы достаточно, — пробурчал Гелен, прознавший о таком решении. — Подумай, сестра, какую цену назначил нам Филипп? Каждая баба на счету.

— Боишься, что на тебя выкупа не хватит, дядя? — дерзко спросил Танасис.

Они вчетвером стояли на вершине холма — два брата, сестра и ее сын. Покойный царь в споре участия не принимал, спал вечным сном, набеленный, нарумяненный, с чинно сложенными на груди руками.

— Как ты смеешь, сопляк! — воскликнул Гелен и попытался схватить парня за волосы.

Арпата отбросила протянутую руку.

— Не здесь и не с тем дерешься, брат, — проговорила она и поджала губы.

— Надо было им поступить, как дед! — крикнул Танасис, подрагивая от ненависти. — Мне Иглис пояснил, что такая рана на груди означает. Дед сам из жизни ушел, чтобы не дать врагу. А вы двое? Почему в плен сдались?

— Убери его, сестра! — нервно произнес Картис. — Убери своего выкормыша с глаз долой.

— Иначе мы за себя не отвечаем, — поддержал его брат.

Арпата обогнула тело отца и пошла на них, оперев кулаки в бока:

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ